

Сказка о воре и бурой корове — эпизод 2 из 3

Поется старая пѣсня: не бывать плѣшивому кудрявымъ, не отростить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не отвадить вора отъ куска краденаго -- и Ванька все проказить по-прежнему. Тогда уже сказалъ ему отецъ: -- Послушай, Ванька, ты теперь не малъ и не глупъ; скажу я тебѣ притчу: у моего у сударя у батюшки, а у твоего у дѣдушки, была собачища старая, насилу она по подстолю таскалася -- и костью краденою та собака подавилася; взялъ дѣдъ твой ее за хвостъ, да и подъ гору махнулъ -- и была она такова! Будетъ то же и тебѣ; отъ меня! Ступай ты лучше, до грѣха, съ моего съ честнаго двора; вотъ тебѣ образъ, а вотъ тебѣ двери; дай Богъ свидѣться намъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ не хочу я тебя и знать, не хочу я хлѣба-соли съ тобой водить; не хочу съ тобою въ баню ходить: гдѣ со мной столкнешься, ты мнѣ не кланяйся, шапки передо мной не ломай, я тебя не знаю, и ты меня не знай, я тебя не замаю, ты меня не замай!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Эхъ, по всѣмъ, по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной и нѣтъ ни одной! Кто везетъ, того и погоняютъ, у меня коренная за всѣхъ отвѣчаетъ; мой рысакъ подъ дугою рысить -- не частить, пристяжные выносятъ, жару просятъ... Ой, жару, жару, нагоню я на свою пару -- ударю, ударю!... Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Эй, Демьянъ, не нажить бы бѣды, ты знай гонишь, что въ масляну по блины -- нынѣ Русской здѣ баричъ не любить, а всякъ дома въ тихомолку трубить; по своей здѣ ты ищи простора, чтобы не зацѣпить, невзначай, кромѣ Ваньки и другова вора!

Ванька ухватилъ шапку, рукавицы, зацѣпилъ мимоходомъ за лишній утиральникъ узорчатый, что висѣлъ на стѣнѣ, подлѣ осколыша зеркала, сманилъ со двора отцовскую собаку, да и пошелъ. Въ эту пору шла на ихъ село конница на пѣгихъ коняхъ -- трубачи, обступивши лотокъ, торговали у бабы сайки; одинъ, видно не сошелся въ цѣнѣ, такъ заговоривши тѣтку, нагнулъ съ коня, протянулъ пять рублевъ костяныхъ, да и стянулъ валенецъ. У всякаго свой обычай: казакъ на всемъ скаку съ земли хватаетъ, а драгунъ съ лотка. Прямой музыкантъ, подумалъ Ванька про себя, поглядѣвъ на трубача, что только завидитъ глазами, то и беретъ пальцами да руками! Чуть ли этотъ не

придется мнѣ; родня -- и я на костяной раздвижной трубкѣ; мастеръ играть!

-- Что ты, продувной парнишка, ротъ разинуль, глядишь, нечто не видалъ еще, какъ пять свахъ натошакъ засылають по невѣсту голодному жениху?

Ты, видно, не женатъ еще? -- Холостъ, отвѣчалъ Ванька. -- Такъ ты по нашему, продолжалъ трубачъ, чтобы заговорить опаснаго свидѣтеля и выиграть время; люди женятся, а у насъ съ тобой глаза во лбу свѣтятся! Что же ты не ищешь себѣ невѣсты?

Дѣвокъ у васъ много, да и все славныя, и самъ ты молодецъ! --

Хотѣлъ было бачка оженить, чтобъ жена берегла да приглядывала, да я не хочу, сказалъ Ванька. -- А для чего же ты не хочешь? Вѣдь и бачка твой былъ женатъ, чай, аль нѣтъ? спросилъ трубачъ. -- Да вѣдь бачка-то женился на мачкѣ;, отвѣчалъ Ванька, а за меня отдають чужую! -- Трубачъ разсмѣялся на дурака, на Ваньку, да и хотѣлъ было ѣхать, но тотъ не промахъ. Погоди, говорить, рѣжь, да ѣшь, ломай, да и намъ давай! Отдай-ка мнѣ; полваленца, а не то, скажу. -- Не сказывай, отвѣчалъ трубачъ, я за это научу тебя своему ремеслу, пойдемъ вмѣстѣ;. Первая вещь, берегись пуще всего, чтобъ не проходило краснаго утра безъ почину, а то весь день пропадетъ даромъ.